

Николай Семенович Лесков

Русское тайнобрачие

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	0004
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	0017
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	0033
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.....	0049
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	0070

Николай Семенович Лесков
РУССКОЕ ТАЙНОБРАЧИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тайнобрачие в России несомненно существует, и притом в довольно значительных размерах. Едва ли в каком-либо общественном кружке не известно хотя одно супружество, сочетание которого не вполне законно или даже совсем противозаконно. А между тем все эти браки кем-то повенчаны и где-то записаны и терпят «ради слабости человеческой» и ради страха суровой строгости неподатливого закона. Наше положение таково, что мы как бы не можем обходиться, не обходя закона. Оттого, кажется, у нас так и велика народная терпимость. Но тем не менее наше тайнобрачие не представляет собою чего-нибудь совершенно бесшабашного и безнравственного. Напротив, в нем заметно даже уважение русского человека к границам свободы в пределах нравственности и эстетики. Это всего удобнее можно наблюдать в интересной практике, которую выработало русское тайнобрачие, до сих пор удивительным образом пренебрегаемое исследователями нашего народного духа в самых глубоких и сме-

лых его проявлениях. Между тем такое явление, как тайнобрачие, более, чем многое иное, открывает в нашем народе изобилие здоровых элементов, ручающихся за его способность к широкому и свободному развитию жизни в несколько иных формах.

За «обилием материалов», упорно скопляющихся в наших повременных изданиях, исследованиям такого рода нет еще места, и потому приходится касаться их только слегка и издали, и притом по какому попало случаю и в какой попало форме.

Я расскажу, что мне известно об этом интересном предмете, именно по поводу свадьбы дяди Никса, которая, в связи с другим случаем тайнобрачия в нашем литературном кружке, дала мне возможность ознакомиться с удивительным механизмом этого своеобразного тайностроительства в русской церкви.

Несколько лет тому назад мне довелось быть в одном гостеприимном доме, где собралось много разного звания людей.

Это относилось уже к последнему времени, которое некто удачно называет временем «реставрации упадка нравов». Охота ко всяко-

го рода трактатам и прениям тогда уже прошла, и так называемые образованные люди не находили более удовольствия в обмене мыслей. Мысли были изгнаны из обращения, и все, от приткого поручика до авантажного тайного советника, обратились к универсальному русскому средству «убивать время» — сели за карты. Литераторы и ученые не отставали от явных поручиков и тайных советников: и они садились за ломберные столы без всякого зазрения совести и резались с теми самыми чиновниками, на которых недавно еще изливали жгучий яд своих обличительных сарказмов.

Об эту пору литературный старовер, не приручивший себя к картам, уже составлял для хозяев известное бремя. Он это чувствовал и, сознавая свою отсталость от современного общественного прогресса, прятался куда-нибудь «к чудакам». Если же случай застигал его врасплох среди «новейших» людей, он спешил сокращаться и исчезать, не нарушая господствующего строя занятий.

В таком положении очутился и я на том вечере, с которого начинаю мое повествование.

ние.

Драгоценными сведениями в области этих не имеющих письменной истории событий я обязан духовнику моего гостеприимного хозяина, столичному протоиерею, внушительную фигуру которого описать дано не моему перу.

Он появился на пиршестве как раз в то время, когда я собирался оттуда удалиться во свояси, и был виновником, что мне это не удалось, — о чем я, однако, не жалею. Так как все столики уже были заняты и для преподобного отца не находилось пристойной партии, то хозяева были в затруднении, к чему им пристроить своего почтенного духовника, и решили принести ему в жертву мое бесприкаянное недостоинство.

С этою целью меня немилосердно придержали и представили протоиерею с рекламирующею аттестациею, как автора «дьякона Ахилки».

Но преподобный отец сначала был неутешен: подав мне руку, он поправил у себя на груди важные кавалерии и обратился к хозяевам с словами горького упрека:

— Ахилку мы читали, и кто оного автор —

знаем, а чтобы своего духовного и венчально-го отца в святой день без пульки оставить, так это можно сделать только совсем забыв-ши закон и религию.

Но, однако, потом дело обошлось, и при-том к неописанному моему удовольствию, по-тому что я встретил в отце протоиерее чело-века чрезвычайно приятного: умного, доброго и большого практика.

Как только хозяева устроили его за одним столом «в мóтью», он перестал негодовать и, усевшись в мягком кресле, позволил мне за-говорить с ним об одном, некогда сильно ме-ня интересовавшем, церковном деле.

Поводом к развившейся у нас интересной беседе послужило одно чрезвычайно казус-ное событие, о котором в свое время много го-ворили в русской печати, но никогда не кос-нулись того, что в этом было самого возмути-тельного и самого интересного и прямо било в глаза.

Один довольно известный в свое время ли-тератор принимал к себе в дом тоже доволь-но известного педагога. Они были друзья, но

потом поссорились, и педагог поступил непеддагогично: он сделал на своего гостеприимного товарища донос с целью доказать, что особа, почитаемая за жену этого писателя, совсем ему не жена, и дети их не могут считаться детьми признающего их отца.

Ежедневные газеты занимались этим делом с одной общедоступной стороны — именно, со стороны «скандала в благородном семействе», и притом в таком семействе, глава которого принадлежал не к фаворитному из тогдашних направлений. Более достойного внимания в этом деле печать ничего не усмотрела, но я позволю себе теперь, в запоздалый след, указать то, что тут составляло самый важный интерес и было пропущено.

Супружество, о котором сделал донос педагог, действительно было не из законных, но оно, во всяком деле, было супружество венчанное, или, как говорят иные, «в церкви петое». А между тем когда, вследствие доноса, представилась надобность доказать венчание, то об этом нигде не оказалось никаких записей и никакого следа.

Стояла на земле церковь, в которой все сие

«пета бяху», жил и наслаждался полным благоденствием батюшка, который призывал на брачившихся божие благословение, даже и дьячок играл на гитаре точно в тот день, когда новобрачный записывал у него в церковной квартире свой «обыск», но теперь выходило, что всего этого никогда не было, что ни батюшка, ни дьячок этих супругов никогда не венчали и, что всего важнее, в обыскной книге действительно ничего не записано.

Приняты были самые энергические и настойчивые попытки разоблачить эту таинственнейшую проделку и доказать факт венчания, но все оказалось безуспешно. Между тем брак действительно был венчан, — в этом со всею искренностью ручались оба супруга и очень престарелая мать одного из них, лично сидевшая во время совершения брачного обряда в церкви. Но куда же это исчезло из обыскных книг церкви и где брачное свидетельство, которое должно быть у каждой обвенчанной пары?

Его не было.

Почему?

Жена в этом случае ссылалась на мужа, а

Муж на свою оплошность.

Все это было как-то темно и маловероятно.

В родстве у супругов оказался очень прощительный и ловкий адвокат московской заправки, которого так и звали «московский пекарь». Пекаря выписали и пустили в ход, но он месил, месил в этой деже и ничего не вымесил... Концы были так похоронены, что ни одного из них нельзя было отыскать.

Долго адвокат рылся в архивах, много рыскал по разным местам, отыскивая свидетелей, которые подписывали поручительные записи в обыскной книге, но ни одного из них нигде не отыскал. Обращались, помнится, к содействию особых властей, но и те ничего не помогли, что, впрочем, было и неудивительно, потому что ни муж, ни жена не знали свидетелей, подписавших их обыскную книгу. Супруги уверяли только, что свидетели были и подписывались, но что они были поставлены самим батюшкою, который взялся за их дело аккордом, то есть что и свидетели и певцы — все будет от него.

— Мы, — говорили супруги, — считали это

за самое удобное, а оно вышло вот как... неудобно.

Добиться подтверждения от батюшки — нечего было и думать: он раз навсегда наотрез отрезал, что он «лично таковых супругов не помнит», а потом особым властям довел, что он и не может помнить всех, кого он венчал, тем более что, по словам самих этих людей, — если они не лгут, — их венчание происходило десять лет назад, а в десять лет воды утечет много.

— Если я их венчал, — отвечал батюшка, — то брак их должен быть записан в обыскную книгу, и у них должно быть свидетельство. Это порядок всем известный, даже не исключая и таких безбожников, как писатели. А если в обыскных книгах записей нет и свидетельства нет, так, значит, венчал их не поп вокруг аналоя, а заяц вокруг ракитового куста. Опять и это тоже по-литературному, но только пусть они теперь туда и идут справки брать. А я, — говорит, — если мне с этим документом еще будут, за шиворот их да к прокурору стащу за оклеветание.

Ясно было, что батюшка крепко кован и

ничего не боится.

Но что выходило всего хуже, так это то, что ветхая старушка, мать одного из супругов, во всей этой сумятице совсем сбилась с толку и стала говорить самый бессвязный вздор. Московский софист до того изнурил ее, заставляя подробно припоминать все детали события, что она совсем все позабыла.

Старушка уверяла, будто хорошо помнит, что, едучи в церковь, она чуть не выпала из саней и так прозябла, что сидела в церкви не снимая шубы, тогда как, по показанию супругов, выходило, что брак их происходил в июне. Потом супруги говорили, что они перевенчались за несколько дней до рождения их старшего сына, который появился на свет 2-го июля, а матушка их помнила, что она тогда будто очень спешила к внуку.

Словом, выходила путаница, которая только прибавляла досаду к досаде.

Старушка, которую всем этим мучили, думала, думала, как ей согласить свою шубу и сани с июльской жарой и ее поспешливость к внуку прежде его рождения, и, наконец, объявила, что ей забило памороки.

— Теперь, — божилась она, — хоть к присяге идти — ничего не понимаю, что в самом деле было и что мне только кажется. Может быть, — говорит, — я в санях-то точно ехала, а про свадьбу вашу мне только так кажется. А может быть, я никуда и не ездила. Где это помнить!

Твердыми в своем оставались одни супруги, которых все их знающие считали за людей очень правдивых и честных. Но их показание в своем собственном деле не представляло никакого юридического доказательства, да притом и оно, ввиду всех других несообразностей, начало казаться странным. Даже московский адвокат, по близкому родству с супругами, первый готов был заподозрить основательность их свидетельства, а его примеру последовали другие. И пока газеты потешались насчет злополучных супругов с бестактной злобою, которой те нимало не заслуживали, судьба супругов и их детей была решена: дело было проиграно не только в надлежащих инстанциях, но и в общественном мнении людей, имеющих несчастье подчи-

няться давлению всякой печатной строчки.

Правда, что добрые знакомые супругов после всей этой передраги от них не отшатнулись, а, напротив, даже еще более о них соболезновали; но что касается недоказанного венчания, то ему уже положительно более не верили и даже ставили в упрек: зачем они так упорно стоят на своей неискусной выдумке?

Но могли ли так нагло и так упорно лгать эти люди, безусловно честные и безусловно правдивые, какими я их считал и имею все основания таковыми же считать их и поныне.

Это меня не переставало занимать и дало мне повод вызвать скучающего отца протоиерея на разъяснение: может ли случиться, чтобы брак, обвенчанный в церкви и записанный в книги, исчез бесследно, или же все это невозможная ложь?

Батюшка все это мне и разъяснил, и притом так обстоятельно, как может разъяснить человек, стоящий на высоте своего пастырского призвания и имеющий ум тонкий и пронизательный, а знание сердца челове-

ского самосовершеннейшее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

На мой вопрос: возможно ли, чтобы бесследно исчез брак, «петый в церкви», мой собеседник отвечал:

— Возможно.

Я рассказал ему вкратце историю непостижимого венчания литератора Z. <Е. Ф. Зарина>, который никак не мог доказать, что он был обвенчан.

— Слышал, — проговорил отец протопоп, — хотя и не помню, где.

— Не в газетах ли читали?

— Вот именно, дети в газетах где-то читали и мне рассказывали.

— Мне кажется — это удивительное и непонятное дело.

— Удивительного мало, а непонятного еще менее.

— Однако что же вы подумали: как это могло сделаться?

— Я подумал только: должно быть, их отец N. венчал.

Это действительно было так, как отгадывал мой собеседник, и потому я позволил себе

предложить ему особый вопрос об отце N., венчания которого отличаются такою характеристическою непрочностью.

— Почему вы узнали, что это венчание трудов отца N.?

— Вот странный вопрос: а по чему вы узнаете работу одного мастера от работы другого?

— По красоте исполнения, по прочности, иногда по фасону. Но ведь это совсем иное.

— То же самое. Отец N. это тоже своих дел портной без узелка...

— Извините, — говорю, — я этого не понимаю.

— Чего же вы не понимаете? Что значит «портной без узелка»? Значит, что у него нитка в шве не остается, а все насквозь проходит.

— И значит — шва совсем нет?

— Нет или есть — это уже как хотите, но только его шов не держится.

— Но какая же ему выгода так шить?

— Его выгода.

— Он рискует, с такою манерою шва, остаться со временем без работы?

— Очень может быть, только это будет еще не скоро — не ранее как иже по просвещении.

— То есть когда это «по просвещении»?

— А когда в обществе распространятся настоящие понятия о тайне брачия и люди не будут вертеть этого дела как попало и с кем попало, лишь бы скорее да подешевле.

— Да неужто вы полагаете, что тут дело в цене?

— А разумеется; по плате и шитво: дешевая цена — такая и работа. Нынче, знаете, время такое базарное, ну и предложение по запросу: теперь человек и любит как-нибудь и венчается как-нибудь; берет для этого попишку какого-нибудь, а тот его свяжет тоже как-нибудь. А там, глядишь, оно и развязалось.

— Вы, — замечаю, — батюшка, кажется, расположены в пользу старины.

— Нет-с, не особенно, а впрочем — как в чем и насчет чего. Если насчет того, будто бы древле было все лучше и дешевле, так я не старовер. А что насчет любви и склонности, а также серьезности брачных отношений, так тут я действительно люблю старинных людей. Они, конечно, кое-чего такого, что мы знаем, не знали, а уж что касается любить, то

это они посерьезнее нас умели.

— Так ли? — говорю.

— Да уж так-с. Вы ведь — я знаю — сейчас готовы небось заговорить про рыцарей. А что за кушанье рыцари? — Это чушь. Нет, а вы в глубь веков погрузитесь, отколе ключ жизни идет: там настоящую прелесть любви и найдете.

— Где же это?

— В Библии. Страстная книга: оттого ею многие иноки соблазняются. У меня ее раз инспектор из рук вырвал: «начитаешься, говори, жениться захочешь». А он хлопотал, чтобы я в монахи пошел. Вот там любовь так любовь. Дочери-то человеческие каково описаны: голенькие, без всяких нарядов, исполинов пленяли.

— Это, — говорю, — все доисторическое.

— А в историческом-то еще лучше: начнем хоть с отца нашего Иакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за молодчина был по сердечной части! Вот настоящий месопотамский рыцарь — влюбился в Рахиль и шесть лет за нее, сердега, прослужил ее отцу — да ведь как отслужил: не в прохладном магазине за при-

лавком, а на поле под палящим солнцем. И что же? Его надули, и надули самым подлым образом: ему дурнолиценькую Лию подложили, а он впопыхах не разобрал. Винить нельзя: разговоров, верно, не было, а впотьмах все кошки серые. Но ведь он не унялся: не потянул тестя в суд, а еще на шесть лет себя забатрачил, чтобы добыть-таки свою зазнобу, и добыл. Так вот это человек — во всем значении слова, значит, любил. И женщине-то, как ей этакое чудесного мужчину не полюбить, потому что хоть он загорелый пастух, а меж тем кавалер во весь рост и во всю силу. Ну а нынче что же?.. Все проходимцы — все приданого ищут, либо завертят девчонку и уговорят, будто ей стыдно, если муж на нее работать станет. «Сама, говорят, матушка, рук не покладай — работай». Это женское равноправие, видите, называется; хитрость все, чтобы самому легче было. Снизойдет к ней когда-нибудь вечерком, как Юпитер, на ложе, и то если деться некуда, — осчастливит ее, когда той, бедняге, уже с усталости и не до утех любовных вовсе, а потом, наутро, встряхнулся, да и пошел опять свои рацеи разводить. А она

опять работай, да еще, глядишь, с шарманочкой. Вот ей и равноправие. А другой, если увозит девушку, будто ее крадет, одним словом — «тайно венчается», а сам черт его не разберет, что такое он этим устраивает; даже, право, не разберешь, для чего это они делают: по любви, или по глупости, или еще того хуже — по подлости тайнобрачие ломают.

— Но по какой же подлости-то может быть нужно ломать тайнобрачие?

— По какой подлости?.. Эх, государь мой, еще какие, когда б вы знали, нынче являются на этот фасон выжиги и какие отхватывают коленца, так иной раз просто либо только диву дашься и расхохочешься или прямо вон от себя подлеца выгонишь.

— Скажите хоть один пример.

— А вот, например: подло или не подло сбить с толку дурочку, которую родные берегут и не дают обобрать? Ко мне явился раз с такую просьбою опекун, и в большом чине... ух, выжига!

— Вы их обвенчали?

— Нет, я-то не обвенчал. Я ему сказал: «Вы вельможа большая, да я не плут большой», а

отец N. и их обвенчал.

— Он, по-видимому, отчаянный.

— Нет, куда там отчаянный! самый презренный трусишка, только ловок на выдумку.

— Но, однако, как же он: неужели всех, кого попало, венчает?

— Решительно кого попало, на это у него жадность, по привычке от отца, потому что его покойник отчаянный мастер на эти дела был; только я их не сравню: тот был благороден — дорого брал, но и знал, с кем поделиться. А этот как гиена: все ничком, сам с собою — один только всё новые штуки подлые выдумывает.

— Значит, и тут, в тайнобрачии, замечается понижение тона и измельчание типа?..

— Да ведь как же иначе. Все «идет со временем», — как говорит блаженный Августин, — «все, освещаемое солнцем, разделяет его подвижность, все изнемогает под тяжестью веков». А уж нашего брата, попа, тяжести веков-то давили, давили, да еще и сейчас не дают ослабы. К тайнобрачию-то наши духовные знаете ли как приучались.

— Как?

— Сначала по-девичьи, со стыдом и с мукою великою, — все равно как первую песенку зардевшись спеть, а потом из сострадания это делали, потому что наш закон очень лют, а ныне и они уж так, под кадриль всему все-российскому плутовству, до бесстыдства дошли.

— Но это может служить не во вред людям.

— Совершенно верно, и потому-то надо бы только, чтобы люди, которым в этом нужда, знали практику и не попадались вот таким...

— Портным, которые без узлов шьют?

— Именно-с. Наше общество ведь еще очень глупо. Сведали, что попы нынче тайно венчают без затруднения, и думают, что это всеми все равно одинаково делается. А это совсем не все равно: поп попу рознь. Иной прямо откажет, другой возьмется, но с осторожкою, и хорошо сделает, а третий так слукавит, что ничего не стоит, даром что венчаны.

— Интересная, — говорю, — история.

— Да, небезынтересная, и очень небезынтересная-с. И издавна она. В старину, например, тайнобрачие часто по страху делалось. Мне мой дед рассказывал, как он в царствова-

ние Екатерины одного помещика с насильно увезенной боярышней венчал. Взяли дедушку обманом, из дому вызвали, да первое дело, благослови Господи, веревочную петлю ему на шею накинули и повели в церковь. Дедушка думал, разбойники, — грабить храм хотят, и ключи им выставляет: «Берите, дескать, все, что хотите — последнюю ризу с царицы небесной снимайте, только мою грешную душу пощадите». Но видит: помещик и его люди стоят в церкви и пучки розог держат. «Венчай, говорят, сию минуту, а то запорем или на колокольне повесим».

Дедушка был уже очень старый старичок и до беспамятства перепугался, но одно только вспомнил — про архиерея.

«Смилуйтесь, — говорит, — наш архиерей змей этакий безжалостный, он узнает, тогда меня расстрижет, и моя старуха попадья без хлеба околет».

А помещик отвечает:

«Не блекочи, старый баран, о пустяках: кому он архиерей, а кому все равно что ничего. Сейчас надевай ризу да пой покорооче, за нами погоня скачет. Успеешь обвенчать — я те-

бе за это выгон целины дам и до смерти вашей с попадьёю мясячину давать буду, а не сделаешь по-моему, сейчас повешу».

Дедушка поклонился и стал облачатся, только просил, чтобы с него петли уже и не снимали, на тот конец, чтобы все-таки оправдание было.

— Так он и венчал их в петле?

— Так и венчал: впереди вокруг налою гайдук идет и деда ведет на обрывке, а он молодых ведет за руки.

— Что же — значит, дед ваш сделал дело невеликодушное.

— Чем-с?

— Способствовал насилию: вы же сами говорите, что невеста была взята насильно.

— Да разумеется, только ведь это дело-то, государь мой, все под петлей шло. Ишь вы, захотели еще при наших порядках геройства! Героев, сударь, вообще на свет родится не много, да много-то их и не нужно, а особенно на Руси их не требуется. У нас ведь их не жалуют. И знаете, через что?..хлопотно с ними. Право. Вот посмотри, например, на нас теперь откуда-нибудь честные люди — могут

сказать, зачем это здесь всё в карты играют, а не занимаются чем-нибудь серьезным; а займись-ка серьезностью — скажут: что это они засерьезничали: о чем закручинились? По-слать-ка к ним того, другого да третьего, разогнать им кручину... Ну их совсем, лучше шлепай картой да шлепай — покойнее. Или все говорят: мало правды на свете. И оно точно: ее мало. А начни-ка иному правдолюбцу всю правду-то сказывать, так он и слушать не станет, да еще «беспокойным» прозовет. Оттого и нет правды... А что до духовенства, то попишки наши, конечно, худы, но, поверьте, они по нашему времени такие и надобны. И это не от крови, а от тьмы века сего — от духов злобы поднебесной. Были бы у нас и не такие попы, да... говорить только не хочется. А то я, не выходя вот из этой же самой семейной моей, так сказать, хроники, имею тому доказательство, что попики с огоньком у нас бывали и есть, но только они нам не годятся, и ждет их конец часто бедственный.

Это касается родного брата моего отца и моего дяди, тоже сельского священника той

же губернии, откуда все мы родом, а начало тому делу восходит к двенадцатому году.

Дядюшка, отец Алексей, был старше моего отца и поступил на место того самого деда, который с веревкою на шее помещика венчал. А был он человек, по тогдашнему времени, нового поповского закала, что называлось, «платоновского» — разумеется, не по Платону-философу, а по митрополиту Платону Левшину, которым тогда по семинариям восторгалось немало пылких и благородных юношей и пламенно старались ему подражать в высоте мысли, в стойкости нрава, в достоинстве поведения и в благородстве чувств, да наставшая вскоре затем филаретовщина всех их свела и скорчила.

Вот такой был и дядя, от которого произошел на свет мой двоюродный брат, знаменитейший и самый благонамереннейший из наших нынешних тайнобрачных венчалников.

Священствовать дядя о. Алексей начал незадолго перед Отечественною войною, а в ту пору в одно село его прихода от французов прибежало из Москвы некое семейство чи-

новничье. Люди были бедные, беспристальные и бескровные — муж да жена с одним грудным сынишкой. Помещик, сын того же самого насильника Катерининых времен, почему-то знавал немножко этих можайских сирот и теперь, в их тяжкой беде, принял, но не на радость, а на новое горе. У чиновника жена была красавица-красавица, из московского купеческого рода. Помещик чиновнику место где-то по карантинам достал, а жену у себя во флигелях поместил, да и воспользовался ее одиночеством. Не знаю уже, случилось это волею, или неволею, или своею охотою, а говорили только, будто она сделалась его добычею, хотя при этом всегда мужа любила.

Долго ее грех, разумеется, не утаился, потому что у помещика прежде этого свой крепостной гарем был и отставные наложницы всё скоро разведали и заныли. Особенно одна, как сейчас помню, — старухою ее мне еще показывали, — она в такое пришла неистовство, что, вероятно из мести, стала выкликать об этом в церкви за обеднею. Как херувимскую песнь запоют на клиросе, она ладан почует, и

сейчас с ног хлоп на пол в растяжку, и пойдет причитать обличения. Всю эту публицистику она вела от лица помещенного будто в нее бе-са... «Сижу, — выкликает, — у Афимьи в утробе, под горячим сердцем, — тоской ее мучу ревнивою, а сам все вижу. Вижу, как Самоха с Давыда пример взял: „Урию на войну услал, а к его Вирсаве со грехом ходит. Я-то все знаю и тем Химкино сердце сушу“». Кричит, кричит этак, а потом взвояет: «Ах, куда деться, куда деваться». Жуткость даже этими криками на весь приход навела, тем более что за нею, по ее примеру, и другие закликали, все про ту же бедную барыньку, которая, может быть, и сама не рада была, что такого прелестника у подобных соперниц отбила.

Шла эта бесцензурная гласность до тех пор, пока узнал про нее «сам Самоха» и расправился с обличительницами по силе своей божественной власти, то есть одних отечески перепорол, а самую главную зачинщицу замуровал в какой-то чулан и держал там чуть не целых десять лет. А в это время, разумеется, невольный грех барыньки все продолжался, или по крайности так о нем все полагали.

Дядя же, отец Алексей, больше всех знал, потому что и чиновник, и жена его, да и «сам Самоха» у него исповедовались и, как люди верующие, сами ему все на духу сказывали. А чиновник-то даже и не на духу, а так прямо, по приятни, не раз ему свое горе открывал и искал у него духовного утешения. В селах ведь попам сердечное горе и до сих пор сказывают, особенно если попик не жаден да прост.

Дядя же был человек добрый и в свою меру благочестивый; его все любили. Он и чиновника этого в его огорчении добрым словом пользовал: когда, бывало, ему что-нибудь из Евстафия Плакиды приведет или из другой трогательной книжечки прочитает, а другой раз вечерком с ним домашних наливочек попьет или в мушку от скуки поиграет, и такими разнообразными приемами доброго участия очень успел его успокоить и примирить с его положением. Так жили они все лет пятнадцать и всякий день, как ныне в удивление пишут, «втроем по утрам чай пили». Муж считался управителем и помещался на особой половине, а помещик вблизи к его супру-

ге; утром же опять к чаю трое садятся. Ревности муж по привычке уже никакой не чувствовал, но только стал, горький, запивать жестоко запоем и тогда опять, взволновавшись, плакался. Однако и это горе минуло; но настало новое, еще худшее, да и поучительное, поучительное в том смысле, что может показать вам, как иногда священник-то бывает высок и совестлив, да к тому же и сведущ в делах, ускользающих от всякого контроля не только высшей духовной власти, но и самого закона, который вотще все предузреть тщится.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

У чиновницы с тех пор, как она стала по утрам втроем чай пить, народилось много детей, и в числе оных была одна дочка, красавица-раскрасавица, не хуже матери. Помещик, лихо его ешь, глядел, глядел на нее, выбирал, выбирал ей женихов, да вдруг, в один прекрасный день, сам вздумал на ней жениться. Законные все претексты были к тому, что их можно было обвенчать, а только дядя отец Алексей больше всех законоведов знал: он, как духовник, знал грехи родительские. Да-с; он знал, что тут незаконного: девочка приходилась дочь жениху, — и как дело дошло до отца Алексея, он и уперся.

— Нет, — говорит, — не только не могу вас венчать, но обличаю вас. Бога убойтесь, сами ведь во грехе каялись, и мать ее каялась: эта девица есть ваша дочь.

Помещик рассвирепел и покатил к архиерею, а архиерей о ту пору был Г<авр>иил. Умный был человек, но любил пожить, а жить было не на что, и потому он не всегда себе господином выходил: попросту — взятки

любил. Тут архиерей видит, что дело кормное, и сейчас вытребовал к себе в О<рел> дядю, отца Алексея, и спрашивает:

— Почему ты такого-то помещика на такой-то девице не венчаешь? Какие к тому препятствия?

А отец Алексей отвечает:

— Так и так, ваше преосвященство, вот что мне, как духовному отцу, известно, и вот мои причины и основания не венчать.

Архиерей задумался, побряхтел и говорит:

— Ишь ты, как ты очень много знаешь! — и отослал дядю домой, а однако и помещику, должно быть, разрешения не дал, потому что тот в соседней епархии венчался.

— Что же, — говорю, — ваш дядюшка действительно показал своего рода героизм.

— То-то героизм, зато оно ему худо и вышло. Героизма-то, повторяю, у нас не жалуют. Так это прочесть где-нибудь о герое, который действовал при царе Горохе или хоть и недавно, да только не на нашей земле, — это мы любим; а если у себя на дворе что-нибудь хоть мало-мальски с характером заведется,

так и согнем его сами в три погибели. То было и с дядею: вместо того чтобы его взять да перевести на другое место от разлютовавшегося помещика, его взяли да нарочно там и оставили. И что он только, бедный, вытерпел в этом загоне: и архиерей-то его ненавидел, и консистория-то его гнала, и помещик-то его гнал, на двор его помещичий не пускали, собаками псари не раз травили и, наконец, до того довели, что он с ума сошел и, точно как та баба Химка, все, бывало, сидит, как подстреленный голубь, и стонет:

«Куда деться? Куда деваться?»

Ужасное это было зрелище. Помню его: бывало, дни и ночи все сидит в батрацкой избе на холодной печке и все одно жалобно стонет:

«Куда деться? Куда деваться?»

В одну сторону метнется, голосит: «Куда деться?», и сейчас в другую повернет: «Куда деваться?» Все, видите, мерещились по одну руку архиерей, по другую барин. Насилу господь его вспомнил: дочернину свадьбу за дьячка справляли после крещения, да за суетами про него позабыли — он и замерз в хо-

лодной избе на нетопленной печке. Утром после свадьбы пришли к нему, а он лежит мертвый, скорчившись, и ручку крестом сложил: верно, в последнюю минуту в себя пришел и богу помолился о себе и о своих мучителях. Вот вам и пример нравственного, как вы говорите, героизма и того, чем он для нас на Руси увенчивается. Жестко, сударь, жестко на Руси героизмовать...

Рассказчик вздохнул и добавил:

— Так вот, с детства-то видел это направление и эту практику, молодое-то поколение наше и росло до того возраста, до которого нынче выросло, и выработало себе то, что у нас всего необходимее, а именно не героизм, а практицизм.

— В каком же роде?

— Да в роде некоторого, так сказать, самоуправления, или, пожалуй, если хотите, самоуправления, но только это, во-первых, вызвано необходимостью, а во-вторых, и не совсем бесосновательно и не совсем бесчинно. Даже к чести духовенства сказать, оно во многих случаях действовало весьма человеколюбиво, а главное, практику выработало, которая хо-

рошо рекомендует духовных и дает полную возможность полагаться на их ум и нравственное чувство.

— Но вот этого-то, — говорю, — я и не понимаю: в чем эта практика и ручательство?

— А в том, что кого не следует венчать, так будьте уверены — у нас не перевенчают.

— Не ошибаетесь ли вы, батюшка?

— Нет-с, я не ошибаюсь.

— Воздержусь от противоречия вам, а только в обществе об этом думают иначе.

— «В обществе»! Нашли на кого ссылаться! Что оно знает и чего ни болтает, это так называемое наше общество!

— Ну как, — говорю, — так... о всем обществе...

— А то как еще говорить о людях, которые судят и рядят о том, о чем и понятия не имеют! Или доказательств еще требуете, так они у вас налицо. Разберите-ка, венчан или не венчан этот писатель Z., с которого наш разговор пошел, — вот и не разберете. Да они даже и сами не разберут, потому что в церковь не ходят, служения никогда не видят и не знают, что над ними делают: крестят их, венчают

или хоронят. Ей, право, одичали хуже диких!

И мой собеседник весело рассмеялся.

— Но позвольте, — возразил я, слегка уязвленный его насмешкою, которая мне все-таки не открывала интересовавших меня практических приемов тайнобрачия. — Надеюсь, вы, однако, допустите, что если общество неправильно судит о духовенстве, то, например, архиереи наши имеют же о вас настоящие понятия?

— Ну что же такое? к чему этот вопрос?

— Да так. Вы скажите: имеют они или не имеют?

— Может быть, некоторые и имеют.

— «Некоторые» только?

— Да, некоторые.

— Да и то «может быть». Но пусть так, пусть будет по-вашему, а вот я знаю один случай, где архиерей прямо сказал, что у него попы за деньги кого угодно «хоть на родной матери перевенчают».

— Хватил греха на душу его преосвященство: на матери венчать не станут. Да кому это и интересно на мамаше жениться... Нет, это уже очень по-монашески. А впрочем, еще

нельзя ли знать, какой святитель изрек сии слова?

Я назвал архиерея.

Собеседник мой еще веселее расхохотался.

— Что же, — любопытно, — тут смешного?

— Да ишь кого вы цитуете? Этот господин что хотите брякнет... Ему бы, по-моему, «Весельчака» издавать. Мы ведь с ним вместе на школьной скамье сидели всегда, — шутник был. А впрочем, и то еще надо знать: о ком дело-то шло? Секрет это или не секрет: про чье это венчанье?

— Нет, — отвечаю, — теперь это уже не секрет, потому что тот, кого это касается, уже женился и опять овдовел.

И я назвал дядю Никса.

Но едва я произнес это имя, как мой собеседник в третий раз покатился со смеху.

— Право, — говорю, — не могу понять, почему все это вас так смешит.

— Да как же не смешить-с! Так вот это вы такую-то младенческую свадьбу считаете отчаянною смелостью? Ну, поздравляю вас с

знанием русской жизни. Вот оттого-то у вас, господа, по большей части и в романах-то в ваших отвлеченнее, чем в Аристофановой комедии, — все «на облаках» происходит.

— Романы, — говорю, — отодвиньте в сторону; нынче на них и спроса нет, а вы разубедите меня, что свадьба с родною сестрою первой жены не есть свадьба незаконная и рискованная.

— Что она незаконная, против этого я спорить не стану, а рискованного в ней нисколько нет, да и венчал ее основательный священник, которого я как сам себя знаю. Он никогда и ни за какие благополучия рискованного дела делать не станет.

— Но вам, я думаю, надо бы подробнее знать эту пару, о которой мы говорим.

— Нечего мне о ней узнавать, когда я о ней все существенное знаю.

— Когда же вы это узнавали?

— Тогда, когда того надобность требовала. Не хотите ли поэкзаменовывать: я все отлично помню, со всеми, можно сказать, деталями. Тут еще было нагажено тем, что разные большие лица были впутаны. Не правда ли?

— Да.

— И к тому же они владыку просили?

— Да, да, да.

— Помню. Брат у невесты был длинный-предлинный офицер с ученым значком.

— Был.

— Имени не помню, а по батюшке, кажется, Данилыч.

— Вы отлично помните.

— Вот он и приходил. Чудесный парень, все рассказал, по-военному: благородно и откровенно, и о своих неудачах у владыки открыл.

— И это не испугало священника?

— Нимало. Штраф, разумеется, на них маленький накинул в цене, чтобы старших не беспокоили, и все тут.

— Однако я помню, — говорю, — что этот Данилыч не сразу как-то сговорился со священником, а было два-три дня томительных.

— Неправда, всего на все один день только их просили подождать, и то это совсем не для притеснения, а уже это всегда так, нарочно, «заминка» делается.

— Для чего?

— Чтобы давальцев не отпугнуть, а в то же время справки навести.

— Какие же справки?

— Есть или нет у брачующихся недвижимое имущество или значительное наследство.

— Но зачем это священнику?

— А это в тайных браках есть самое нужнейшее. Родство или что другое, идущее только против церковных уставов, — это пустяки, а вот имущество, из-за чего все люди ссорятся, — тут надо строго.

— Будто это так важно?

— Это только и важно. Если есть родовое имение, которое могут наследовать родственники, или если дети могут быть претендентами на какое-либо родовое наследство, тогда, будьте уверены, никакой порядочный священник такого брака венчать не станет.

— А как можно это узнать?

— В тонкости узнают.

— И скоро?

— Да смотря по людям и по делу: иногда сразу же, а иногда подольше.

— С недельку или с месяц?

— О, что вы! Нет — сутки, много двое.

— Каким же образом можно собрать так скоро такие щекотливые справки, о которых люди могут всё утаить и налгать?

— Надо иметь способного справщика и содержать его, иногда даже и терпеть от него кое-что, как вот, например, некоему ближнему доводилось терпеть от этого молодца, который о дядюшке Никсе обыск делал.

— Что же, он плохой человек?

— Ужасный негодяй, но талантлив, шельма, к этим делам бесконечно. Он сюда нарочно из Киева вывезен. Там подобных артистов рассадник. Практика их вырабатывает над богомольцами. И этот все у деревянненькой церкви на Старом городе сидел для перехвата, чтобы богомольцев из Печерска на Подол не перепускать. Должность в том, что как увидит кучку «богомудов» — сейчас к себе подманит и уговорит, чтобы на Подол не ходили, а у них молились. Отличный практик. Ну вот, одному батюшке с разным наследством от брата пришлось и его сюда взять.

— Какой же у этого дельца церковный чин?

— Чин у него — церковный сторож, а хо-

дит он за причетника.

— И по особым поручениям?

— Да, преимущественно-то по особым поручениям. По получении заказа сделаешь маленькую заминку, а он тем временем все и обследует.

— Но каким образом?

— А уж это по его усмотрению.

— А он не врет?

— Нет, для чего же? Да он всегда ведь и весь процесс и источники укажет, так что можете обсудить основательность и достоверность и того, и другого, и третьего.

— Ну, так вот, позвольте же, — говорю, — вас разочаровать.

— Сделайте милость, если удастся.

— При венчании дяди Никса решительно ни от кого ни из их родных, ни из знакомых никто таких справок не забирал.

— Верно. Наш дока свое имя недаром носит: он не так глуп, чтобы с родными жениха стал разговаривать. Он понимает, что это дело сердечное, и действует тонко — собирает источники чистые и достоверные. Ему было сказано, что вот так-то и так-то — вот этакий

крупный человек желает жениться на сестре своей покойной жены, я на день заминку сделаю, а ты поди и удостоверь дело как нужно. А он отвечает: «Это можно кратко доследить, потому что у них старший дворник, Терешка, мой приятель». Если вы все ведаете, то вы должны знать: был у них дворник Терешка или нет?

— Знаю: действительно был дворник Терешка.

— Ну вот видите. Справщик взял на три бутылки пива, посидел с этим Терешкой в низке и вернулся, говорит: «Терешка сказал: можно венчать».

— Но вероятно же при этом и какие-нибудь подробности дознания были представлены?

— Как же, разумеется, были: подробности необходимы, потому что по ним видишь и судишь: верно ли и благонадежно ли все дело?

— Ну а в отношении дяди Никса, например, в чем же заключались эти подробности?

— Помнится, он рассказал так: пришел, говорит, к воротам, Терешку вызвал, пошли в низок, две пары пива выпили, а Терешка ска-

зывает: «Ничего — дело плевое — венчать можно, господа согласные. Она, говорит, бабыня к нему ласковая и теперь от любви тяжела сделалась, а все ейные братья и сестры очень желают, чтобы она с ним подзаконилась. А насчет состояния не сумлевайтесь: имений у них нет, и что им по зиме мороженных индюшек присылали, так это от знакомых из чужой деревни. Скажи батюшке, что советую, чтобы крутил с богом».

— И это все?

— А вам что же еще надо?

— И вот это-то, вот эту болтовню с дворником вы называете справкою или сведением!

— А как же это, по-вашему, надо назвать?

— Да так и назвать, пустяками, вздором. Да вы, извините меня, я думаю, что вы шутите.

— Нет, не шучу.

— Не могу верить!

— Почему же?

— Да потому, что вы не можете не знать, что на слова таких людей, как мужик дворник, твердо полагаться нельзя.

— Нет, я этого не знаю и совсем другое думаю.

— Что же вы думаете?

— Я думаю, какие вы все жалкие, поврежденные люди, и как вы безнадежно повреждены в самом своем корне: в вере в ум и в доблесть русского человека. Кто, какой злой дух или какой лихой опыт дал вам право так низко судить о нашем умном и добром народе? И сторож-то вас обманет, и дворник обманет, и, наконец, уже и я, поп, вас обманываю, — шучу, видите, а не правду вам сказываю...

Батюшка закачал укоризненно головою и добавил снисходительно:

— Ах вы, господа, господа теоретики. Постыдились бы вы этого своего неверия в русского человека да не давали бы другим повадки утверждать, что мы сами собою ничего путного учредить не можем. Тьфу! что за гадость, что за недоверие к русскому человеку, даже в том случае, если он дворник, которому сама полиция верит больше, чем любому ученому и литератору.

Сказав это, батюшка опять плюнул, и плюнул так решительно, как мог плевать только известный Костанжогло, и затем тихо провор-

чал:

— Недоверие, везде недоверие, на всякое время и на всяк час это проклятое недоверие. Оттого и заводятся всякие портные, что́ без узла шьют.

— То есть вот этого-то я и не понимаю: отчего же они заводятся?

— Да от боязни живых сношений с людьми и от возни с одною бумажною хитростью. И как все это сложно, и непрочно, и какую хитрую механикой пахнет — вообразить гадко. Я уверен, что если я вам сейчас это разъясню, то вы увидите, какие преимущества имеет простота везде, не исключая и тайнобрачия, где она должна быть хвалима перед всеми иными хитростями, в которые теперь жалостно уловляется немало людей, имущих только образ венчания, но силы оно-го лишенных.

Я весь обратился во внимание, к которому усиленно приглашаю теперь и моего читателя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Самое трудное и, может быть, единственно опасное в брачных делах теперь оказывается имение и наследство, а самое досадительное для духовенства — это «возня с мелкотой», к которой рассказчик, очевидно, причислял и сшитого без узла брачною нитью литератора Z.

— О тайном венчании таких людей, — говорил он, — прежде и помина не было. Венчались тайно, бывало, помещики, или гусары, или вообще люди значительные, о которых всегда можно, что надо, разузнать в рассуждении родства и наследства; но потом, как все это с отъемом крестьян перепуталось, — тут разночинец стал входить в силу и тоже полез тайнобратиться. Разумеется, всему этому женщины виною: сейчас, сороки этакие, из верхних слоев всякую моду перенимают. Иная прежде уже лет несколько в простоте с человеком без венца тихо обращалась, и нимало не смущалась, — а тут прослышала, что в больших кружках все венчаются, и сама стала приставать, чтобы и ей подзакониться.

Ну, разумеется, чего баба захочет, того достигнет: человек терпит, терпит и, наконец, плюнет: «будь ты совсем неладна!» Пойдет и просит батюшку: «Так, мол, и так, — не могу бабу усмирить: повенчайте!» Духовенство по нынешнему времени начало и таковых венчать, и уже, разумеется, не по-старинному, за помещичью или гусарскую цену, а так, «что положат». И за две десятных певали, и даже менее, и, разумеется, уже в рассуждении справок стали обращаться с небрежью, потому что и хлопотать-то было не за что, а к тому же и трудно. Русский мужик дворник — ужасный ведь аристократ в душе, особенно если брюхо себе наест: он таким мелким народом, как разночинцы, не любит заниматься. Вот о жильце, начиная с чина статского советника, он любопытствует, из каких дошел, и какого роду и состояния, и из чьего имени ему мороженных индюшек присылают, ну а мелко-тою он интересоваться не любит. Это уже его натура такая, — даже полиция его к этому приучить не может. Пристав наш мне не раз жаловался — говорит: «Хоть не спрашивай их, дураков, про подозрительных людей, —

заведет такую катавасию: „Мы, мол, ваше скобродие, понимаем, что как эти люди малозначительные, так ими не антересуемся, а вот генерал у нас живут — это точно, и с своей эконожкой они обращаются, из немок, а у той брат есть, при чужом грапе секлетарем служит“. И пойдет, говорит, дурак, вверх все в аристократию лезть». И это справедливо: с этой стороны они нам неудобны, и это-то собственно и есть для браков небольших людей большое препятствие. А между тем, как вам докладываю, и эти в последнее время, по бабьему настоянию, всё туда же лезли, чтобы секретно венчаться, да еще и задешево, потому что и платить-то как следует они не могут. Тогда этот самый отец «венчальный батюшка» и выдумал фортелè, и такое фортелè, что долго его никак нельзя было понять, в чем оно заключается. Слышим только между собою, что он венчает и направо и налево и уже никаких справок не собирает. Да-с, и задешево: все прификсы сбил, а крутит за предложенную цену. Понять невозможно было, в чью это голову он содит и за что рискует, как вдруг оказывается, что он, плутяга, ничем и

не рискует. И выплыло это дело самым неожиданным манером, к которому я как раз могу подвести дело вашего тайнобрачного знакольца.

В летнее время семья моя на даче была, а я наезжал сюда чередное служение отбывать. На всю неделю для обеден я «раннего батюшку» за себя нанимал, а в субботу сам приезжал: служил всенощное и в воскресенье — позднюю. Только что выхожу я после всенощной, — пройтись по набережной хотел, — а ко мне подходит какой-то господин с дамочкой и объясняют, что они жених с невестой и хотят повенчаться. Я отвечаю: «доброе дело, доброе дело»; а сам на него смотрю инквизиторски, потому что он мне что-то фертоват показался.

— А документы, — говорю, — в порядке?

— Да, документы, — отвечают, — есть.

— Рассмотреть, — говорю, — надо. Благово-лите оставить. Завтра ответ дам.

Он утром занес всю свою герольдию в одном пакетике. Поглядел я — все в порядке, а только легковесность какая-то: у него ука-зишко об отставке и чинишко шаршавень-

кий, — губернский секретарь, а она — вдова учителя. Кто их тут разберет, в какой они друг к другу позиции?

Я велел своему доке-сторожу адрес их заметить и справиться, — справка вышла пустая. Приходит мой вестовщик и говорит:

— Так и так, — говорит, — живут они вместе третий год на одной квартире, и девочка маленькая у них есть, а прислугу одну держат и в мелочной берут на книжку, а мясник не дает в долг. Впрочем, — говорит, — пить не пьют, но знакомцев окромя писателей никого из достойных лиц у них не бывает, и ничего про них знать нельзя. Мое, — говорит, — такое мнение, что не надо их венчать, — что-то опасно. Пусть к своему приходскому батюшке идут.

А я ему в тонких делах верил, да и мне самому показалось, что это опасно. У нас, знаете, уж свой нюх на это есть. Дела по делам будто ничего, а своим верхним чутьем поведешь — и другое слышишь. Так и тут: бумажки тощие, и людцы маленькие, и что-то не порядком отдает, да опять, самое главное, и дворник не ручается.

Подумал я, подумал: есть что-то сомнительное, а они еще и заплатить-то как следует не могут, и отказал. Свернул бумажки в его же конверт, подлепил клейком и отдал сторожу.

— Как придет, — говорю, — этот господин, — скажи ему, что, мол, батюшка уехали, и бумаги отдай. А вперед, мол, просили не приходить.

Так и сделалось, тот его отправил и еще в полезном разговоре узнал, что и авантаж от него мы потеряли самый незначительный: тридцатью рублями всего хотел осчастливить. Я рукою на это махнул и позабыл. Но господин этот, жених, был мстив и, встретивши раз где-то моего сторожа, как бы в веселии объявляет: «Вот, твой батюшка не хотел меня перевенчать, а отец такой-то (называет венчального батюшку) нас, — говорит, — перевенчал». Тот мне это передает, и даже с неудовольствием, как будто я лишил его доли от тридцати сребреников, а через малое время говорит, что он и сам желает перейти к тому венчальному батюшке на «соответственную должность».

— На какую это? — спрашиваю.

— В певцы.

— Да ты петь не умеешь.

— Что ж такое, — говорит, — и не умевши поют.

— Да у тебя и голоса нет.

— Божественное, — отвечает, — можно петь и без голоса.

— Нет, ты, — говорю, — откройся: чем мальчик Гришка мачехою недоволен?

— Да что, — говорит, — батюшка, откровенно сказать, вы еще по старине: всё справляетесь. Теперь это надо оставить. Там смелее крутят, и через то служить авантажнее.

— Ну, смотри, мол, не попадись с большим авантажем-то.

— Нет, — отвечает, — там придумана механика умная. Я и полюбопытствовал, что это за механика и как он про нее проведал.

— А я, — говорит, — от этого же барина все проведал.

— Да у тебя, мол, какие же с ним сношения?

— За советами он ко мне приходил.

— А ты что за юрист-консульт такой, что к

тебе за советами ходят?

— Нет, — отвечает, — я хотя не консул, а когда человека хорошенько нажгут, так он ко всякому лезет.

— Да, мол, если глуп, так лезет.

— Однако, — отвечает, — и у вас, как в прошлом году зубы хорошенько разболелись, так и вы вот, хоть не глупы, а тоже на Моховую к цирюльнику заговаривать пошли.

— Да, — говорю, — это правда, — ходил.

— А вот то-то, — говорит, — и есть. А ведь он, этот цирюльник, ничего не знает: что-то пошепчет да обрывок человеку, как теленку, нацепит и велит не скидывать. И вам небось то самое вешал.

— Вешал — только с молитвою.

— Ну да, и вы, пожалуй, так и служили в обрывке?

— Служил, — только ведь это с молитвою же.

— Ну так это и я бы вам мог нацепить с молитвою, да стыд только не позволял. А баринок этот ко мне первый раз с весельем заговорил, чтобы через меня вас подзадорить, а потом, вчера, — гляжу, нарочно идет, и лица на

нем нет.

«Что, — говорю, — вам такое?»

«Ужасная, — говорит, — неприятность: мне надо еще раз перевенчаться».

Я гляжу на него и думаю: не помешался ли он?

«Да ведь вы же, — говорю, — сказывали мне, что вас обвенчали».

«Да, — отвечает, — обвенчать-то обвенчали, да очень легко сделали: надо еще раз где-нибудь обвенчаться основательнее».

«Что же это за дело такое? Вы, — говорю, — если хотите от меня помощи, так в подробности объясните, потому что без этого и лекарь не лечит».

Он и стал объяснять.

«Батюшка, — говорит, — нас обвенчал, велел поцеловаться и благословил, а потом я пошел за свидетельством — дома его не застал. И еще через день пошел, и опять не застал, и опять через неделю пошел, и тоже не сподобился видеть. И так ходил, ходил, и счет ходинкам потерял, а тем временем жена родила и надо крестить; брачное свидетельство уже необходимо».

Тут этот супруг уже не с коротким полез звониться, и дозвонился хоть не до самого ба-тюшки, так до его причетника, и сообщил ему свою нужду и неудовольствие. А причетник проговорил:

«Что, господин, напрасно ходите и себя и нас напрасно затрудняете: никакого вам сви-детельства не будет».

Барин вскипятился: как не будет?

«Что, — грозит, — вы думаете я церковных порядков, что ли, не знаю! Я юрист — у нас на лекциях всё это преподавали, я сейчас к бла-гочинному, да в консисторию, или к самому владыке!»

А дьячок-то у них очень умный. — Все чер-нило и марки у него на руках.[1] Он этому ба-рину и отвечает:

«Не пужайте, господин, что вы так страш-но пужаете? Идите не только к владыке, а хоть к самому Господу Богу, так мы стоим во всех делах чисты, — и никого не боимся».

«Да ведь я же, — говорит, — венчался».

«Спору нет, что венчались, — отвечает дья-чок, — мало ли кто венчался, но не всякий же берет свидетельство. Вот наши мужички пра-

вославные и знать этих пустяков никогда не знают. А нам совсем неизвестно: кому нужно такое свидетельство, а кому оно не нужно. Если вы венчались для уважения таинства, то и будет с вас, и оставайтесь тем довольны».

Барин вскипел:

«Что вы, разбойники, что ли, — говорит, — на что мне таинство!»

А дьячок свой шаг спокойно держит.

«Нет, — говорит, — мы не разбойники, а вы, господин, про таинство потише, да не ругайтесь, а то я сейчас и дверь захлопну, чтобы таких слов не слышать, за кои к ответу потянуть могут. А вы тогда оставайтесь на улице и идите, куда вам угодно жаловаться».

Тут баринок видит, что имеет дело с человеком крепким: перестал пылить и говорит:

«Да нет, вы, милый друг, сами посудите... я этого себе даже уяснить не могу: в каком же я теперь положении?» — да при этом рублевый билетик ему в руку и сунул.

Тогда, разумеется, и дьячок к нему переменялся.

«Давно бы, — говорит, — господин, вы так... честью всегда все скорее узнаете. Вы к

батюшке на дом больше не докучайте, потому что они дома никаких объяснений по неприятным делам не дают, а пожалуйста завтра, в воскресенье, за литургию и по отслужении вы в алтарь взойдете, — там и объяснитесь».

Тот спрашивает: ловко ли это в алтаре объясняться?

«Да уж где же, — отвечает, — еще ловче? Они всегда, если что-нибудь касающее сумнительного, только в алтаре и объясняют, потому что там их царство. Они у престола, в своей должности, от всякой неприятности закрыты. Знаете, у нас за престол как строго!..»

Тот так и учинил: пошел к обедне с пылом в сердце; за обеднею постоял, немножко поуморился и отмяк, а дождавшись времени, входит в алтарь и говорит:

«Так и так, до вас, батюшка, дело имею».

«Какое?»

«Свидетельство мне позвольте».

«В каком смысле?»

«Что я вами обвенчан с моею женою».

«А как ваша фамилия?»

«Так-то».

«Не помню. А когда я вас венчал?»

«Да вот месяца два тому назад».

«Месяца два назад... не помню. Но что же вы так долго не брали свидетельство?»

«Я, — говорит, — несколько раз приходил, да все дома вас не мог застать».

«Ничего не слышал, а дома меня, точно, трудно застать, — у меня много уроков, закон Божий в двух училищах и в домах преподаю. Впрочем, я сейчас здесь справлюсь».

Оборачивается к дьячку и говорит:

«Покажи мне, как их обыск записан».

Тот посмотрел на них на обоих и из алтаря вышел.

Долго, долго он где-то с этою справкою возился и, наконец, идет с обыскною книгою в руках и кладет ее перед батюшкой.

«Что же? — спрашивает тот, — на которой странице?»

«Ни на которой нет», — отвечает дьячок.

«Как так нет?»

Дьячок молчит.

«Должно быть, если венчали?»

«Не знаю», — отвечает дьячок, а сам нале-

во кругом за двери.

А батюшка вручает книгу супругу и говорит:

«Вот вам, милостивый государь, самому книги в руки, отыщите вашу запись, пока я кончу», — и с этими словами становится к жертвеннику.

Супруг ищет, ищет и, разумеется, ничего не находит.

«Нет, здесь, — говорит, — не записано».

«Вот тебе и раз», — отвечает батюшка и начал сам листки перекидывать.

«Что же это может значить?»

«Значит: нет».

«Но ведь, помилуйте, — говорит, — я сам расписывался в такой книге».

«Но где же эта ваша роспись?»

«Да нет ее здесь».

«А нет, так и суда нет».

Да с этим хлоп — книгу закрыл и в шкаф запер.

Супруг взвыл не своим голосом.

«Что же это такое? У вас, верно, другая похожая книга есть?»

А батюшка говорит:

«Тс, милостивый государь, потише. Здесь церковь, а не окружный суд, что вы кричите, да еще не забудьте, что вы в алтаре, где мирянину и не место находиться. Не угодно ли попросить вас о выходе, а то ведь вы помните, — здесь за всякое неуместное слово ответственность по закону усугубляется».

Господин и спекся — милосердия запросил.

«Батюшка, — говорит, — помилуйте, ведь это же не может быть; ведь вы же, конечно, помните, что я к вам приходил, и вы меня венчали, и я вам, что было условлено, вперед заплатил».

«Еще бы, — говорит, — это уже такое правило — вперед отдавать».

«Ну так что же, — говорит, — за что же вы меня так обижаете?»

«Чем-с?»

«Да как же, помилуйте, я ведь это все не для себя, а для жены да для детей только и делал, а теперь не могу даже разобрать: в каких мы все отношениях? Это хуже, чем было».

«Напрасно вы так говорите, — отвечает батюшка, — чем же хуже? Ничего вы хуже не

наделали. Во всяком случае, если вы взяли благословение в церкви, это безвредно и для супруги вашей хорошо — женщина должна быть религиозна. А в рассуждении прислуги от этого в доме гораздо спокойнее — прислуги закон брачный уважают и венчанную барыню лучше слушают. Что же тут худо?»

«Но мне не это нужно... мне свидетельство нужно!»

«Свидетельство-о-о?»

«Да!»

«А я вам разве его обещал?»

«М... н... то есть... мы об этом не говорили».

«Надеюсь, что не говорили. Вы пришли ко мне и просили вас повенчать и представили документки какие-то ледащенькие, темные, и говорите, что других достать не можете, и к тому же вы человек небогатый и заплатить много не в состоянии. Так это или нет?»

«Так-с».

«Ну что же, разве я вас обидел или притеснил? Ничуть не бывало: я вам, напротив, во-первых, добрый совет дал, я вам сказал: если вы человек незначительный, так для чего вам обо всем этом хлопотать! Вы ни граф, ни

князь, ни полковник, — и живите себе, как жили. Но вы на своем стояли, что вам это нужно, — что она „пристает“, что „надо от этого отвязаться“. Что же — я и тут вас не огорчил: вас никто бы не стал венчать, а я вас пожалел. Я знаю, что барыни охочи венчаться, и вам на ваше слово поверил и обвенчал вас для ее утешения, и всего тридцать рублей за это взял, ничего более с вас не вымогал. А если бы вы мне тогда сказали, что вам не только венчание, а и свидетельство нужно, так я бы понял, что это уже не для женской потехи, а для чего-то иного-прочего, и за это бы с вас трехсот рублей не взял. Да-с, не взял бы, и не возьму, потому что у меня и своя жена и свои дети есть. Прощайте».

«Но... позвольте... как же... где же я и жена, в какую книгу мы себя записали?»

«А это, я вам скажу, не ваше дело».

«Нет, это мое дело: верно, у вас другая книга есть».

«Да, для таких супругов, как вы, есть другая книга».

«Но это не может быть».

«Вот тебе раз, почему это не может?»

«Консистерия не выдает двух книг».

«А вы посмотрели в ту книгу: откуда она была выдана!»

«М... н... нет».

«А то-то и есть, что нет. Плохо, видно, вас на ваших лекциях учили, если пишете, не взглянув, на чем пишете».

«Так ведь это все подлог, фальшь...»

«Нимало не фальшь, а просто предварительная чернетка, которая по миновании надобности посекается и в огонь вметається».

«Так я же найду, кто были свидетели...»

«Поищите, так они вам и объявятся».

«Ага! так вот зачем вы и сказали, что вам не надо моих свидетелей, а какую-то свою сволочь поставили».

«Да уже, конечно, так; только все же моя сволочь лучше вашей: они хоть сволочь, да я-то их знаю, а вы бы мне таких своих энгелистов привели, что каждый вместо крестного имени чужою чертовой кличкой назовется, а потом ни знать, где его и искать — в каком болоте. Нет, государь мой, мы, в наше умное время, от вашего брата тоже учены».

«Тьфу!»

«Здесь не плюйте, а то подтереть заставлю».

«Но что же мне делать: вы меня сгубили, так дайте хоть мне совет».

«Совет извольте: достаньте себе с супругою хорошие документы и ступайте, ничего не говоря, к приходскому священнику, — он вас обвенчает и даст вам свидетельство. А со мною все ваши объяснения кончены».

«И ничего более?»

«Да, ни одного слова более».

Как мне рассказал все это мой сторож, — продолжал собеседник, — я и руки растопырил.

Вот это, думаю, артист, так артист. Что за работа, что за милая работа! И просто все, и верно, и безопасно, и даже по-своему юридически честно: за что взялся — то и сделал, а неуговорного с него и не спрашивай. За что человек не брался, за то и не отвечает.

— Чудесно, — говорю, — спасибо тебе, брат, безголосый певец, что ты мне, глупому человеку, такие умные дела открыл. Хотя я сам их делать и не стану, но все-таки просвещеннее буду. — И отпустил его от себя к тому батюш-

ке с миром, даже с наградой, на тот конец, чтобы не забывал ко мне заходить порою просвещать мое робкое невежество тем, что они, совокупив свою опытность, делать будут.

— И что же, — спросил я, — он к вам заходил?

— И сейчас иногда заходит.

— И интересные дела рассказывает?

— Ох, рассказывает, разбойник, рассказывает.

— Удивляюсь, как теперь это стало откровенно.

— Действительно, откровенно; да ведь что еще и сокровенничать-то, когда — как мои дети на фортепиано куплет поют:

Расплясалась вся Россия

В ахенбаховщине мерзкой,

Лишь один Иеремия

Нам остался, — князь Мещерский!

А главное, заметьте, любо-дорого то, что все это хорошо практикуется. Откровенно, а комар носу ни подо что не подточит.

— Батюшка! — говорю, — будьте благодетель, познакомьте меня с этим интересным человеком.

— С певцом-то с безголосым?

— Да.

— Извольте. Давайте вашу карточку.

Я подал, а батюшка начертал на ней рекомендацию и наименовал меня «действительным статским советником», что мне показалось неудобным.

— Извините, — говорю, — это не годится, — у меня такого чина нет.

— Ну вот важность! нынче никого меньше не называют, а к тому же он стал гонорист и если узнает, что вы писатель, а не генерал, так, пожалуй, знакомиться не захочет.

— Да, а я, — говорю, — все-таки стесняюсь...

— Есть чем стесняться? суньте два пальца вместо руки — вот и сановник. Неужели у вас на это образования неостанет?..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Однако я не был у безголосого певца, потому что это представляло слишком большие трудности: выходило, что для собеседования с этим интересным лицом мне не только надлежало выдать себя за действительного статского советника и тыкать два пальца человеку, который подает мне целую руку, но надлежало еще изобразить собою пред певцом жениха или по крайней мере тайнобрачного переговорщика. Я опасался, что не выдержу этих замысловатых ролей перед таким пронизательным человеком, а к тому же думалось мне, что сам отец протоиерей открыл мне довольно, чтобы не гнаться за бóльшим. Кроме того, певец мог сообщить мне только факты, разнообразие которых зависит от случайностей, а их природа почти неисследима, между тем как настоящий мой собеседник мог ввести меня в самую философию вопроса, в самую суть нравственных побуждений, руководящих духовенством в делах тайнобрачия. Это мне казалось интереснее, потому что некоторое знание нравов нашего духовенства

внушало мне твердую надежду, что и здесь, в этом путаном деле, должен дышать тот дух простоты и практического добротолубия, который присущ русскому человеку на всех ступенях его развития и деятельности.

И я не ошибся. Роковые случаи, представляющиеся на практике при венчании пар, которые не могут быть повенчаны с разрешения начальства, почти все совершенно не возмутительны, а некоторые из них так трогательны, что надо иметь мертвое, «почившее на законе» сердце, чтобы не оценить благодати, движущей сердцами живыми, которые ласково усыпляют закон, вместо того чтобы самим азартно уснуть на нем.

Такой случай мой собеседник рассказал мне, даже не отделив от него немножечко и самого себя.

Я продолжаю и доканчиваю его беседу, а с нею и мои очерки.

— Ко всему нынешнему тайнобрачию, — изрек он, — как к каждому историческому явлению, надо относиться беззлобно и с рассмотрением. И когда так станете смотреть, то и увидите, что оно потребно и отвечает вре-

мени. А по сему времени даже и самые заливчатские «венчальные батюшки» тоже в своем роде нужны и полезны. Право, полезны: в большом хозяйстве все пригождается. И хотя я их методы без узлов шить в принципе и не одобряю, но знаю, что и это иным впрок пошло.

Я было обнаружил попытку выразить некоторое сомнение, но батюшка, заметив это, придержал меня за руку и сказал:

— Не спешите поспешать. Я живой случай знаю, где если бы не эта благодать, так нельзя было бы оказать помощи очень жалким людям, которые однажды пришли ко мне с преудивительною историею.

Лет восемь назад ко мне в дом хаживала дочернина подруга. Славная девица Нюточка — всё они с моей дочерью в четыре руки играли. Но потом она вдруг как-то сникла. Перестала ходить, — я этого не заметил, а потом, когда дочь скоро замуж вышла, то я и совсем про эту чужую девочку позабыл. Проходит так год, два и три — и пять лет, но вдруг тоже вот так, в летнее время (у меня замечательно, что большая часть казусов со мною все летом

случается, когда я в одиночестве дома бываю), приходит ко мне некая молодая особа женского пола, с виду мне незнакомая, собою, однако, довольно благоприличная, но смутная и чем-то как бы сильно подавленная. Я думал, что потеряла себя и, верно, хочет исповедоваться, но вышло другое. Называет себя по имени и говорит, что была она подругою моей дочери по гимназии, а потом пошла достигать высшего знания, но не сподобилась оно, потому что попала в некоторые «трудные комбинации». Словом сказать, дойдя, вместо научного совершенства, до нищеты и убожества, вспомнила о своей подруге, а о моей дочери, и пришла просить ее, не может ли она достать ей где-нибудь переводов.

Ужаснуло меня это младенчество просьбы и младенчество странного ее вида.

— Извините, — говорю, — дочери моей здесь нет: она уже давно замуж вышла и живет в другом городе, да и переводами не занимается, а наипаче занята домашним хозяйством и чадорождением. Поэтому если бы вы и писать ей захотели, то это будет для вас бесполезно. А вас я теперь действительно немно-

жечко припоминаю: вас, — говорю, — кажется, звали Нюточкою?

— Да, — отвечает, — меня так прежде называли.

— Очень рад, — говорю, — вас видеть; но что же довело вас до таких комбинаций?

Она хлоп-хлоп глазенками, да и заплакала.

— У вас есть родные?

— Да, — говорит, — у меня есть брат, — и называет фамилию одного довольно известного адвоката.

— Вы, — говорю, — верно, у него живете?

— Нет, — отвечает.

— А почему же так?

— Он женат.

— Так что же такое, разве при жене для сестры и за ширмою места нет?

— Нет, мы с его женою не ладили, я одна с детьми живу.

— Так вы вдова?

— Нет, не вдова.

— Тогда где же ваш муж — верно, сослан?

— Нет, — говорит, — не сослан, а его нет со мною.

— Отчего?

— Он в очень затруднительном положении.

— В каком затруднительном положении, чтобы своих детей бросить?

— Его обманули, когда он женился.

Тут уже я глазами захолопал.

— Милая барынька, — говорю, — да вы что же это такое, шутите, что ли? Что вы мне рассказываете: как же он мог от живой жены во второй раз жениться? разве вы разведены?

— Нет, — отвечает, — мы жили в гражданском браке, а одна моя подруга хотела в акушерки, и ей понадобилось выйти в фиктивный брак; она меня попросила, чтобы я позволила...

— Ну-с?

— А она устроила комбинацию...

— Какую, милостивая государыня?

— Она вместо того все обратила всерьез и заставляет его, чтобы он ей деньги давал, и теперь он что получает — ей носит, а мне помогать не может.

— Что же, он и с нею не живет вместе?

— Нет, он с нею вместе не живет; она одного полицейского любит, а этого только застав-

ляет, чтобы он часть жалованья ей приносил.

— И он носит?

— Да что же делать, а то она жаловаться пойдет.

— Да кто же он такой, ваш общий муж-то?

— Ветеринар.

«Гм! — думаю себе, — однако она, должно быть, очень ловкая, эта акушерка, если на самом ветеринаре ездит».

— Да, она, — говорит, — очень развита.

— Развита? А извините, — говорю, — за вопрос: он не дурачок, этот господин ветеринар?

— Нет, — отвечает, — как дурачок? он тоже очень развит.

— Как же, — говорю, — развит, а от акушерки отбиться не может?

— Да он отбился и живет у товарищей, а больше нельзя, потому что у нее по полиции все ей полезные связи.

— Ага, — говорю, — это действительно «комбинация». Ну а где же ваши детки?

— Недалеко, — говорит, — тут за вокзалом на третьей версте по железной дороге у сторожихи живут, — я их там оставила, а сама при-

шла переводов искать.

— Стало быть, вы теперь все врозь?

— Да.

— Ветеринар с товарищем, вы с своими котятками, а та с полицейскими?

— Да.

— А в городе-то, — говорю, — у вас есть приют?

— Нет, — отвечает, — нету, да это ничего не значит: теперь тепло — я ночь по бульвару прохожу.

— Как проходите?

И, не дождавшись, что она мне ответит, скорее взял ее обеими руками за голову, поцеловал в темя и говорю:

— Ничего я, бедное дитя, не понимаю, что вы мне такое рассказываете. Вы ко мне с своими «комбинациями» точно пришелица из другого света упали. Но я во всяком случае не ксендз, чтобы вас укорять, и не протестантский пастор, чтобы от ваших откровений прийти в ужас или в отчаяние, а как простой поп я только вас на бульвар ночевать не пущу. Вот у меня вся пустая квартира к вашим услугам, а на кухне есть баба-старуха смот-

релка. Я ее сейчас к вам призову. Разуйте поскорее свои бедные ноженьки, напейтесь чаю да ложитесь на диван в гостиной спать. А впрочем, я старик, — со мною и с одним не опасно оставаться.

Она согласилась. И все это как-то тупо: и одно предполагает, и сейчас другое располагает, на все согласна — и все как не живая. Видно уже, что весь человек в ней домертва в порошок растолчен.

Ужасно мне ее стало жалко. В голову впадо: как такой горемыке на свете жить? Свои дети у меня хорошо устроены, благодаря бога и добрым людям, потому что заботился о них, да к тому же они дети иерейские — в свете могли ход иметь, а эта тля беспомощная: кем она покрыта? Может быть, с детства на произвол пущена. А все же вон в ней еще что-то доброе ерошится: и за наукою она стремилась, и мужа своего гражданского отдала на подержание, а теперь как кошка мечется и своих котят по сторожкам носит... И все это во имя чего-то возвышенного. Право, точно пришлецы из другого мира, а между тем страдают как люди. Оставил я ее и пошел на ве-

чер к коллеге, у которого самовластная жена — она зимою ему не позволяет в карты играть, так он летом, приезжая с дачи на служение, и собирает кружочек.

Застал там близких и искренних и «венчального батюшку». Провинтил в винт рублей за сорок и, по склонности человеческой, сваливаю всю вину этого проигрыша на кого-нибудь другого.

— Это, — говорю, — ребята, я так провинтился от расстройства: одна девчонка меня нынче очень размазала. — И рассказал им о своей гостье.

Все выслушали и особенного внимания не обратили, но мой венчальник, идучи вместе со мною домой, верно нечто почувствовал, сдобрился и уронил мне «крылатое слово»:

— Еще так ли это, как она сказывала. Может быть, им еще можно пособить. Вы у них свидетельство спросите.

— Да как им пособить, если они обвенчаны? Ведь у них грошей на развод нет.

— Да я, — отвечает, — о разводе и не думаю, а может быть это дело совсем не порчено — и развода никакого не надо.

— Все равно, если и свидетельства нет, а венчаны, так уже пропадай они совсем — второй раз перевенчивать зазорно.

— Я, — говорит, — думаю, что их не венчали. Небось пропели что-нибудь, да и конец.

— Ну может ли это быть?

— А отчего нет? Они ведь ангелисты — в церковь не ходят, службы не знают, не все ли им равно, что им споют: молебен или венчанье. Нет, вы спросите-ка свидетельство.

Думаю: и вправду, дай-ка спрошу! Он это даром на ветер не бросил.

Отслужил наутро обедню, напился с своей гостьей чаю и говорю:

— Я вам переводишко устроил, и вот вам пока из редакции три рубля вперед, а перед вечером пожалуйста — тогда и перевод получите. Да не можете ли пригласить ко мне вашего ветеринара, — я и ему кое-что хочу предоставить.

Так, разумеется, вздор врал, но в случае, если бы она стала расспрашивать, сказал бы, что хочу его отрекомендовать в Москву бесного слона лечить. Но только она не спросила, а прямо его обещала привести.

А я тем временем спосылал за безголосым певцом и спрашиваю:

— Есть ли у них для себя какие-нибудь памятки, кто у них легко венчан?

Отвечает:

— Есть.

— Нельзя ли, — говорю, — мне справиться про такого-то студента?

Он это минутою сдействовал и воротился — говорит:

— Очень легко сделано.

— Так что можно ему еще раз жениться?

— Сколько угодно. Им просто молебен спет.

— Ишь, — говорю, — что вы, разбойники, строите.

— А что же, — отвечает, — да они, безбожники, больше и не стóят. До каких лет доживут, в церковь гроша не подадут, и не слышали о том, какая служба есть. Им и молебна-то жаль — не токма что Исаию для них беспокоить.

— Так, значит, они с акушеркой не венчаны?

— Не венчаны.

Я это принял к сведению, пообедал и только маленько соснул, как смотрелка меня будит.

— Утрешняя мадамка, — говорит, — вдвоем пришла.

— С кем?

— Жених, — говорит, — ейный, что ли, не знаю.

Я велел подождать, обтерся со сна полотенцем и выхожу.

Они кланяются.

Не знаю, что́ она в нем и полюбила, — смотреть совсем не на что.

Я его туда-сюда повернул и в первых же вопросах вижу, что детина самая банальная: откровенно глуп и откровенно хитер. Так сказать — фрукт нашего урожайного года.

— Я, — говорит, — обманут низостью, какой не ожидал. Жена моя, — говорит, — казалась развитою женщиною — уверяла, будто ей нужно выйти замуж только для того, чтобы от родительской власти освободиться, а потом стала требовать, чтобы я Анюту бросил, а с нею на одной квартире жил или чтобы я ей на содержание давал. А после к ней

полицейские стали ходить, и она меня начала пугать.

— Чем?

Молчит.

— Донос какой-нибудь хотела сделать?

Пожимает плечами и отвечает:

— Вероятно.

— Да вы разве в чем-нибудь замешаны?

— Нет, — отвечает, — я не замешан, но мы еще со студенческого времени все без замешательства, так просто боимся, а она теперь и сама в полицию акушеркой поступила.

«Ах ты, — думаю, — дурачок горький». И спрашиваю:

— Она в полиции, а вы-то где служите и под чьим начальством?

Называет место и начальника — лицо мне, по старым памятям, весьма знакомое: еще с табелькой с ним игрывали.

— Да у тебя, голубчик, в формуляре-то записано ли, что ты женат?

— Нет, — отвечает, — не записано.

— А венчальное свидетельство есть?

— Тоже нет.

— Почему?

— Не дали.

— Хорошо, что не дали. А теперь отвечай мне: рад бы ты иметь женою, вместо твоей акушерки, Нюточку?

Молчит.

— Что же ты молчишь?

— Я, — говорит, — в убеждениях совсем против брака.

— Ага, мол: ишь ты какой: норовишь лизнуть да и сплюнуть. А по доброму порядку, — говорю, — когда человек с женщиною детей прижил, так ему уж эти рацеи надо в сторону. Женись-ка, брат, на ней, да и баста.

— Да ведь это невозможно.

— А если бы возможно было?

Опять молчит.

— Ну, стало быть, — говорю, — ты, брат, лукавишь; отвечайте-ка вы, Нюточка: вы желали бы быть его женою?

Та, молодцом, сразу прямо ответила, что желала бы. Видно, уже игра-то сия ей принадоучила. — Но он молчит.

— Что же ты, — говорю, — пнем стал? Поверни тебя, батюшка Спиридон-поворот.

— Я, — говорит, — больше уже не попа-

дусь.

— Кому это? — женщине, которая ваших детей таскает и вас любит?

— Все равно, — говорит, — я могу жить граждански.

«Нет, — думаю, — если ты по-граждански, так я же с тобой, с разбойником, сделаюсь по-военному».

Язычок-то себе прикусил и о роде его венчания с акушеркой ничего ему не сказал, чтобы он не считал себя свободным, а озаботился им иначе.

Как он ушел, я положил перед его супругой лист бумаги и говорю:

— Пишите-ка, какой я вам перевод продиктую.

И задиктовал, указывая, где что ставить: «Его превосходительству, господину такому-то, от такой-то докладная записка». А затем продолжение в таком смысле, что «я, просительница, прижив внебрачно с таким-то, служащим под ведением вашего превосходительства, двух детей, в чем он чистосердечно признался при священнике таком-то, и не получая от него ничего на содержание сих

невинных малюток, коим сама не в состоянии снискать пропитания, а потому всепочтительнейше прошу побудить его на мне жениться или по крайности оных моих малюток обеспечить должным, по средствам его, содержанием, вычетом части из его жалованья».

Она это все написала, а потом спрашивает:

— К чему это писано?

— А к сему, — говорю, — подпишись.

— Но ведь это донос.

— Нет: это докладная записка.

— В таком случае, — отвечает, — я подпишу. — И подписала.

Я взял этот манускрипт в карман, надел новую ряску и пошел к генералу, которого, как вам говорю, еще в малых чинах коротко по картам знал. Отлично, шельмец, с табелькой играл и вообще был чудесный парень — любил выпить и закусить, и отношения наши, по-полковому, были на «ты».

Конечно, *honores mutant mores*, [2] — может быть, он и переменялся, но я как-то этого не надеялся и решил держаться с ним на прежней ноге.

Велел о себе доложить, а сам стал перед зеркалом, чтобы орденки поправить. Но в это же зеркало и вижу: он в ту же минуту выходит, прямо ко мне, крадется и — цап сзади ладошами глаза мне и закрыл.

— Жоздра! — говорю, — радость моя, — это ты.

— А ты, — восклицает, — почему узнал?

— Мудрено ли узнать: кто, кроме тебя, может мою священную особу за лицо брать, а к тому же я и в зеркало тебя видел. Давай поцелуемся. Я, — говорю, — к тебе по делу, Жоздра.

Его Егором величали, но мы его Жоздрою звали, потому что так ему одна некогда влюбленная в него простонародная девица белошвейка писала.

— Есть у тебя такой-то подчиненник?

— Есть.

— Повели ему, мой ангел, на одной мамзельке жениться.

Он расхохотался.

— Что ты это, поп-чудила, — говорит, — выдумал. В моей власти конские свадьбы, но человеческие браки не по моему ведомству.

— Нет, — говорю, — Жоздра, жизненок

мой, маточка, — не говори глупостей: у русского генерала все во власти! Я иначе не верую. Не огорчай меня, не отказывайся от христианского дела, повели дураку жениться на дуре, чтобы вышла целая фигура, а то мне их и ребят очень жалко.

Он было опять смеяться, но я говорю:

— Нет, ты, ангел мой, не смейся, — это дело серьезное. — И рассказал ему все дело.

— Понимаешь ли, — говорю, — что этого ни в какой конклав нельзя пустить, чтобы кто-нибудь не пострадал, а зачем страдать, когда ты по-генеральски — один все дело поправить можешь.

— Каким манером?

— Просто — повели, да и баста, на то ты начальник.

— Я выгнать его, — говорит, — могу, но принудить его жениться не имею права.

— Тпру, тпру, тпру, — отвечаю, — остепенись. Что ты это такое выдумал? Как можно человека выгнать, да еще особенно такого глупого. Куда он, дурак, без казенной службы годится? Нет, ты не ожесточай несчастного сердца, а просто потребуй его перед себя и на-

кричи.

— Что же я буду кричать?

— Да что хочешь, то и кричи — только посердитее. Но если заметишь, что он отвечать хочет, вот этого не допускай, — топни и скажи: «молчать».

— И с тебя этого будет довольно?

— Совершенно, мамочка, довольно. Только, пожалуйста, посердитее, и чтобы не смел отвечать.

— Изволь, — говорит, — уважу, — и с этим позвонил, а мне добавляет: — Пойди там, за ширмой, посиди, покури, послушай, что выйдет. Я ни за что не ручаюсь.

— Да тебя, — говорю, — никто и не просит ручаться, только сделай свое начальническое дело добросовестно, — накричи.

Ну, он и действительно сделал все это очень хорошо: как тот вошел, он сразу его афрапировал. Все жестокие хитрости сентиментального обхождения откинув, прямо ему сочиненною мною докладною запискою мимо носа на землю швырнул.

— Знаете ли вы, — спрашивает, — какая женщина это пишет?

И чуть тот было только рот разинул, чтоб сказать: «знаю», — он как крикнет:

— Молчать! Почему вы на ней не женились?

Но прежде чем тот ответил, я ему через ширму, пальцами махнул, он — опять крикнул:

— Молчать! Я знать ничего не хочу! Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Завтра мне чтобы брачное свидетельство было. Слышите?

— Слу-слу-слу-ш ш-шаю.

— Вон! и до тех пор на глаза мне не сметь показываться. Слышите?

— Слу-слу-слу-шаю.

— Деньги на свадьбу есть?

— Нет.

— Вспомоществование дам, а пока... Батюшка! — зовет меня, — пожалуйста сюда.

Я вышел.

— Извольте взять, — говорит, — этого соблазителя: он девицу соблазнил и должен немедленно быть с нею обвенчан. Прошу вас исполнить это и завтра же прислать мне его

брачное свидетельство.

— Слушаю-с, — отвечаю. — Извольте, молодой человек, идти и приготовьте разрешение начальства. Я за ним зайду.

Тот вышел, а генерал спрашивает меня:

— А что, какво я кричу?

Я его в обе щеки чмокнул и говорю:

— Умник! умник! но теперь доверши свою работу: сплавь их отсюда.

— Куда?

— Назначь его куда-нибудь в провинцию отдельную должность занимать.

— Это для чего?

— Да он там успокоится и с простыми людьми в разум придет.

И в этом успел. Так я их в один день развел, а на другой день обвенчал, с малым упущением по числу оглашений, и свидетельство выдал, а через неделю и на службу их выпроводил. Он с большим развитием ничего и понять не мог. Однако пробовал меня пугать.

— Вы отвечать, — говорит, — будете.

— Ну, это, мол, не твое дело: мне начальство приказало венчать, а я власти покорен.

Так он и сейчас настоящим образом всего не понимает, а живут, судьбою довольны и назад не просят, — думают, небось, что они в самом деле законопреступно обвенчаны, да, чай, и акушерки боятся.

— А что же, акушерка не приходила?

— К кому?

— К вам.

— Как же, приходила. Я ее к певцу отправил.

— И после не видали?

— Нет, видел один раз у пристава на крестинах.

— Что же она: сердилась?

— Н-н-нет. Поискала вчерашнего дня и увидела, что она дура.

«Отличную, — говорит, — батюшка, ваши духовные со мною штуку сыграли».

«А что такое?»

«Да то, что я по их милости все равно как будто вместо кадрили вальс протанцевала».

«Ну, что делать, когда-нибудь утешитесь, вместо вальса кадрили протанцуете». На кого же ей сердиться?

— Просто невероятное!

— Вот то-то и есть. А поведите-ка все это через настоящие власти — какая бы кутерьма поднялась, а путного ничего бы не вышло: потому что закон и высокое начальство, стоя превыше людских слабостей, к глупости человеческой снисхождению не могут оказывать, а мы, малые люди, можем, да и должны. Дурачки, да наши.

Что ж их хитрецам в обиду давать? Надо их пожалеть. Поживут с наше — и они обумнеют, — тоже людей жалеть будут. Но довольно мне вам эти сказки сказывать. Я уж очень разболтался, пойду — посмотрю, что мне в мотье написали.

— Да, — говорю, — это и впрямь все отдает сказками.

— Сказки, сударь, и есть, сказки. Живи да посвистывай... «Патока с инбирем, ничего не разберем, а ты, дядя Еремей, как горазд, так разумей».

Собеседник мой подал мне руку, которую я придержал и спросил:

— Но неужто же у нас никто не может помочь вместо всей этой городьбы прямую улицу сделать?

— А об этом нам еще ничего не известно. Впрочем, никогда ни в чем не должно отчаиваться: одна набожная старушка в детстве меня так утешала: все, говорила, может поправиться, ибо «рече Господь: аще могу — помогу». Где она это вычитала, — я тоже не знаю, но только она до ста лет благополучно дожила с этим упованием, чего я и вам от души желаю.

Впервые опубликовано — газета «Новости», 1878.

Примечания

Содержать «чернило на руках» значит вести письменную часть, а марками называются жестянки, выдаваемые священниками исповедникам, с каковыми последние подходят к записчикам, вносящим имена в исповедные росписи. Марки эти, наподобие простонародных банных билетов, должны служить доказательствами, что исповедник действительно был у священника на духу и получил разрешение в своих согрешениях, а не записывается в книги без исповеди. Впрочем, эти марки или бляшки теперь уже почти повсеместно выводятся из употребления, как не достигающие цели. К упразднению марок, говорят, повела «подставка», то есть наемщество, к которому прибегали люди, не желающие исповедоваться, но обязанные к тому служебными или иными требованиями. (Прим. автора.)

[^^^]

2

Почести изменяют нравы (Лат.)

[^^^]